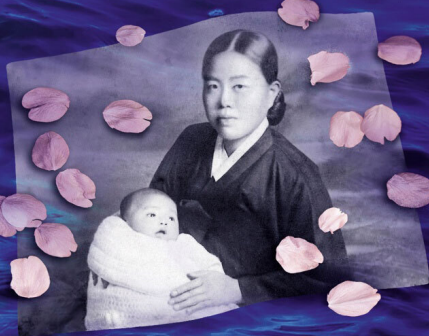

МАРГАРЕТ ДЖУХЭ ЛИ

Звезды над Кореей

18+

ХРОНИКИ УТРАЧЕННОЙ ИСТОРИИ

Перевод Юлии Бушуевой

Маргарет Джухэ Ли
Звезды над Кореей: Хроники
утраченной истории
Серия «Документальный fiction»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74334831
Звезды над Кореей. Хроники утраченной истории: Ко.Либри,
Издательство АЗБУКА; Москва; 2026
ISBN 978-5-389-33212-6

Аннотация

Маргарет, американка корейского происхождения, отправляется в страну своих предков, чтобы выяснить, кем на самом деле был ее дедушка Ли Чхольха – загадочный преступник, о котором боялись упоминать даже самые близкие родственники. В ходе расследования, затянувшегося на многие годы, она встречает на своем пути самых разных людей: профессоров, ушлых дельцов, друзей и врагов семьи. Но главная героиня этой истории всё это время была совсем рядом: это Мин Гымсун, вдова Ли Чхольха, нестигаемая женщина, десятилетиями хранившая его тайну. Благодаря ей Маргарет наконец-то отыщет ответы на вопросы, так долго ее волновавшие. Какие загадки скрывают архивные документы? Почему всё это время бабушка столь тщательно оберегала семейное прошлое? Можем ли мы обрести себя, не зная всей правды о тех, кто дал нам жизнь?

Содержание

Хронология	10
Родословное древо семейства Ли	12
Примечание автора	14
Вступление. История истоков	15
Пепел	20
Перезахоронение	45
Наследие	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Маргарет Джухэ Ли Звезды над Кореей: Хроники утраченной истории

Margaret Juhae Lee

STARRY FIELD

A Memoir of Lost History

This edition published by arrangement with Frances Goldin
Literary Agency, Inc. and Synopsis Literary Agency

© Margaret Juhae Lee, 2023

© Бушуева Ю. С., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026 КоЛибри®

* * *

Масштабный и в то же время очень личный рассказ о члене семьи, чья история могла бы навсегда затеряться в море забвения, если бы не упорство автора и ее одержимость поиском истины... «Звезды над

Корей» придутся по вкусу широкому кругу читателей, в особенности тем, кто чувствует себя лишенным настоящего дома.

The Bookreporter

Увлекательное, интригующее... проникновенное повествование о воссоздании потаенной истории, замешанное на чувстве личностного роста и понимания.

Kirkus Reviews

Хотя многие власть имущие в Корее предпочли бы оставить прошлое нетронутым, Маргарет Джухэ Ли показывает, что, двигаясь вперед, нам стоит и оглядываться назад.

Washington Independent Review of Books

MARGARET JUHAE LEE

Starry Field

A MEMOIR OF LOST HISTORY

МАРГАРЕТ ДЖУХЭ ЛИ

Звезды над Кореей

ХРОНИКИ УТРАЧЕННОЙ ИСТОРИИ

Перевод Юлии Бушуевой

Моей семье посвящается

Хронология

1894 Крестьянское восстание Тонхак

1894 Начало Китайско-японской войны в Корее

1905 Корея становится протекторатом Японии

1908 Мин Гымсун (Хальмони) появляется на свет в Чонджу (Корея)

1909 Ли Чхольха появляется на свет в Конджу (Корея)

1910 Корея становится колонией Японии

1934 Ли Ынсолъ рождается в Конджу (Корея); Ли Чунман рождается в Сеуле

1936 Смерть Ли Чхольха

1945 Разделение Кореи после победы союзников во Второй мировой войне, положившей конец власти японцев. Страну оккупируют Соединенные Штаты и Советский Союз, граница между Югом и Севером проходит по 38-й параллели

1950–1953 Корейская война

1953 – наст. вр. Северная и Южная Корея существуют как независимые государства

1958 У Ынсоля диагностируют туберкулез, он поступает в лечебницу

1962 Ынсолъ и Чунман переезжают в Соединенные Штаты, чтобы продолжить образование

1963–1979 Пак Чонхи становится президентом Южной Кореи и остается на этом посту вплоть до своей гибели в ре-

зультате покушения

1966 Маргарет Джухэ Ли рождается в Роли (Северная Каролина)

1969 Семья Ли переезжает в Хьюстон (Техас)

1972 Рождение Эдварда Тонджу Ли

1984 Маргарет оканчивает школу и поступает в Техасский университет в Остине

1992 Маргарет переезжает в Сан-Франциско

1995 Церемония перезахоронения Ли Чхольха на Национальном кладбище в Тэджоне (Южная Корея)

1996 Маргарет переезжает в Нью-Йорк, чтобы поступить в Нью-Йоркский университет; Ынсолю делают операцию на легких

1999 Маргарет переезжает в Арлингтон (Массачусетс) на стажировку в Гарвардском университете

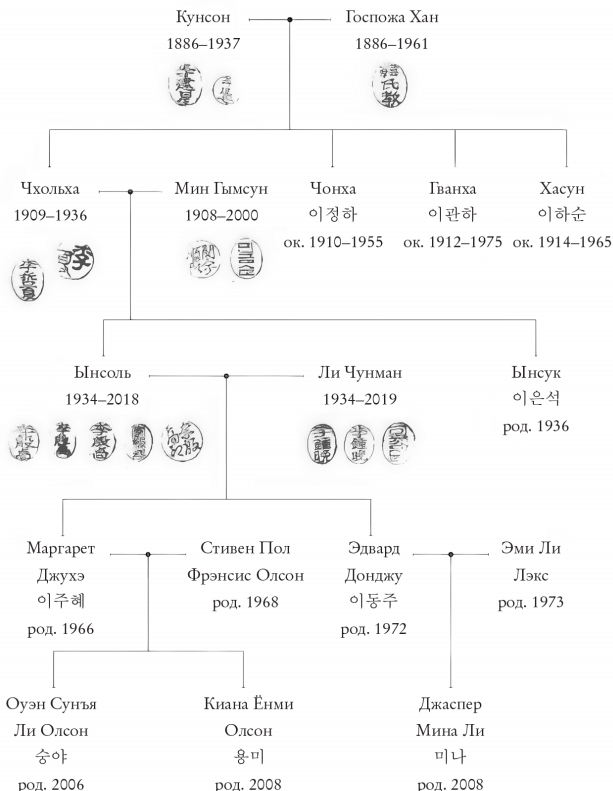
2000 Маргарет совершает путешествие в Корею

2018 Смерть Ли Ынсоля

2019 Смерть Ли Чунман

Конец 2019 года Семья Ли развеивает в Корее прах Ли Ынсоля и Ли Чунман

Родословное древо семейства Ли

Овальные штампы – это доджанг, личные печати, которые используются вместо подписей. Имена членов семьи, у кото-

рых такой печати нет, написаны корейскими буквами.

Примечание автора

Эта книга – памятные записки об утраченной истории. На то, чтобы ее создать, у меня ушло больше двадцати лет.

Корни этой истории уходят в воспоминания о прошлом моей семьи, о тех сложных событиях, которые пережила Корея в XX веке. Чтобы раскрыть правду о своих предках, мне пришлось пустить в ход самые разные методы. В их числе – журналистское расследование, сбор устных свидетельств, архивные изыскания, а также реконструкция эпизодов, основанная на рассказах моих родственников. Я изменила некоторые имена, чтобы защитить приватность людей, которые их носят, и реконструировала диалоги. Если я со своей стороны привношу в описание событий вымысел, это всегда отмечается в тексте.

В главе «Непокорность» я представила, как мог бы проходить диалог между моим дедушкой и следователем японской полиции – эта беседа состоялась 18 сентября 1928 года в Сеуле, в полицейском участке у Западных ворот. Ответы деда дословно соответствуют стенограмме допроса, которую перевела моя мать.

Вступление. История истоков

Жила-была девочка, которая появилась на свет в стране, где не чувствовала себя дома. Она выглядела не так, как все вокруг, ела не ту еду, что все остальные. Люди спрашивали у нее: «Откуда ты?» Когда она отвечала: «Из Хьюстона», – собеседник снова допытывался: «Да нет, на самом-то деле ты откуда?»

Когда ей было десять лет, девочка побывала в стране, где родились ее родители. Но она и там не чувствовала себя дома. Она не понимала, что ей говорят, а сама могла разговаривать только короткими фразами, как маленький ребенок. Когда она была совсем малышкой, бабушка учила ее языку предков, но родители общались с ней дома только по-английски. Так им посоветовал педиатр. Он сказал: «Иначе ваша дочка будет плохо учиться в школе».

И вот девочка выросла, забыла язык своей бабушки, пошла в университет, попробовала себя в паре профессий и в конце концов выбрала журналистику. Она решила расследовать тайны своего дедушки, которого никогда не знала. Он попал в тюрьму и умер, когда ее отец был еще младенцем. Сначала девочка стала задавать вопросы своей бабушке – вопросы, на которые та не хотела отвечать.

Тогда девочка решила снова побывать в стране, где родились ее родители, но уже в одиночку. Она хотела разгадать,

кем был ее дед. Для этого она решила раздобыть протоколы его допросов в полиции и материалы следствия, которые бабушка сожгла во время Корейской войны. Из этих документов получалось, что он был очень молодым человеком, коммунистом, революционером и выступал против власти японцев.

Девочка несколько лет изучала язык своих родителей и уже научилась на нем читать и немного говорить. Но она понимала, что нужно всё равно нанять переводчика, а сама она должна разговаривать с людьми по-английски. Только тогда ее станут принимать всерьез те мужчины, которые могут помочь в поисках документов, связанных с дедушкой.

В конце концов девочка нашла эти документы, хотя они оказались совсем не там, где им полагалось быть. Она привезла их в Соединенные Штаты и отдала своему отцу. Оказалось, что это лучший подарок, какой она только могла ему сделать (конечно, не считая внуков). Она начала уже писать книгу о том, как искала утраченную историю, но жизнь помешала ее планам. Позднее она снова взялась за книгу, но всё равно не успела ее закончить до того, как умерли ее родители.

* * *

Когда наша дочь Кики еще ходила в детский сад, то по вечерам, чтобы ее убаюкать, я забиралась к ней на постель,

на ее высокую кровать-чердак. Стив, мой муж, так сделать не мог – его вес превышал допустимый лимит. Поэтому я сворачивалась калачиком рядом с Кики, а он читал книжку нашему сыну Оуэну – у мальчика кровать была пониже, поближе к полу. Я чаще всего забывала взять с собой книжку, поэтому рассказывала дочке истории, которые придумывала сама.

Я рассказывала ей про Чудо-близнецов – брата и сестру, которых я помнила по мультикам из своего детства. Каждый из них имел по кольцу, и когда они ими соприкасались, то у них «включались» сверхспособности. Близнецы снимали с деревьев кошек, переводили через улицу старушек. Они сотрудничали друг с другом, а не соперничали – совсем не то, что Кики и Оуэн!

«Десять тысяч медведей» были явно навеяны моей любимой сказкой про Златовласку и трех медведей. Только в новой версии волосы у Златовласки были темные и когда она ушла из дома, то нашла огромную пещеру, где стояли не три кровати, а целых десять тысяч – выбирай не хочу! Уйти из родной семьи и жить с медведями она решила, потому что дома чувствовала себя одинокой.

И все они после этого жили долго и счастливо.

* * *

Когда дети пошли в детский сад, я снова взялась за книгу

о своем дедушке. За книгу, над которой перестала работать, когда забеременела. Полностью переписала весь текст – мне помогли в этом занятия в мастерской генеративного письма, куда я ходила раз в неделю. Отбросив все свои заметки, исследования, планы и схемы, я спонтанно записывала всё, что приходило мне в голову. Всё, что стекало с моих пальцев на кончик пера, а оттуда на разлинованные страницы моего блокнота – огромного блокнота на пружинке.

Материалы книги – я впитывала их в себя начиная с 2000 года, когда отправилась в Корею на поиски документов о жизни дедушки. Именно тогда я обнаружила факты, связанные с короткой жизнью Ли Чхольха – нашла протоколы допросов, список книг, которые он читал в тюрьме, тайный шифр, разработанный им для переписки с товарищами-коммунистами. Но что проникло в самую сердцевину моего существа, так это рассказы моей бабушки, Хальмони¹, которыми она успела со мной поделиться, прежде чем умерла. Они впитались в мою плоть, стали частью того человека, которым я являюсь, – внучки, дочери и в конечном счете матери.

И я почувствовала, что должна выпустить их из своего тела на волю.

¹ «Бабушка» (кор.). – Здесь и далее – прим. ред.

Так вот, Кики и Оуэн: перед вами история истоков. На то, чтобы ее написать, у меня ушло двадцать лет жизни. Конечно, работа не раз прерывалась. Вернувшись из Кореи, я переехала обратно в район залива Сан-Франциско. Мой первый агент ушел из издательского бизнеса. Я встретила вашего отца. Мы поженились, у нас родился Оуэн, а потом, два года спустя, Кики. Началась суматошная семейная жизнь: тысячи кусочков конструктора, сотни футбольных тренировок, долгие поездки в Портленд, в гости к бабушке и дедушке, путешествия в Корею, затяжные болезни, безвременные смерти, ускоренное обучение финансовому и жилищному праву и почти невыносимая тяжесть горя.

Я надеюсь, что моя история сможет стать частью вашей жизни. Потому что моя история – это и ваша история, и она включает в себя воссоздание жизней – забытых и, казалось, навеки погребенных в родной земле наших предков.

И начинается она так...

Пепел

Мы приезжаем в Сеул на последней неделе 2019 года. Мой брат Эд с семьей ехал из Портленда, мы с ними встретились еще в Сиэтле. В Сеуле я чувствую себя комфортно, хотя почти не говорю по-корейски. В течение четырех месяцев 2000 года этот город был моим домом. Я тогда была не замужем, мою жизнь не отягощали заботы, но ноша горя всё равно на меня давила: за два месяца до того умерла моя бабушка – Хальмони.

За прошедшие двадцать лет я подрастеряла свои познания в корейском языке, потому что совсем ими не пользовалась. Однако я до сих пор могу понять разговор на корейском или хотя бы в общих чертах уловить его смысл, если речь идет о еде, купании, школе и вообще о каких-то вещах, знакомых даже трехлетнему малышу. К тому же я умею читать хангыль², хоть и очень медленно (весьма полезный навык, когда возникает необходимость сделать заказ в ресторане).

Члены моей семьи – перфекционисты, они вечно нуждаются в переводах и объяснениях. В пельменном ресторане (он стоит рядом с гостиницей за углом) я объясняю, что корейские пельмени, так называемые манду, бывают шести видов: пельмени, жаренные на сковороде, пельмени паровые,

² Хангыль – корейская азбука.

пельмени, сваренные в бульоне, и каждая из этих опций, в свою очередь, существует в двух вариантах – вегетарианском или со свининой. Отпрыск моего брата хочет полпорции жареных вегетарианских пельменей и полпорции паровых со свининой. Объясняю ему, что в Корее в небольших непатентованных ресторанах такие нестандартные заказы не практикуются. Нужно выбрать что-то из вариантов, которые четко прописаны в меню. Мать мальчика просит, чтобы я узнала у официанта, нельзя ли всё-таки сделать нестандартный заказ – ну в виде исключения, только один разочек. Делаю глубокий вдох и иду искать молодого человека, которые раздавал нам меню. Он подстрижен под горшок, как артист из К-поп группы BTS. Максимально вежливо спрашиваю на ломаном корейском, нельзя ли сделать исключение. Официант трясет головой: «Аниё»³ – и повторяет по-английски: «Просто выберите что-то одно». На следующее утро, в гостинице за шведским столом, нам везет больше: там есть разнообразная еда, соответствующая обычному американскому завтраку, и она всем приходится по вкусу.

На следующий день мы берем два такси до станции «Сеул» – по одной машине для каждой семьи. Я обращаюсь к любезной консьержке, которая говорит на безупречном английском. Прошу ее записать адрес на бумажке и отдать водителю, который повезет моего брата с семьей, потому что знание корейского у родичей на уровне абсолютного нуля.

³ «Нет» (кор.).

Мои дети толкаются и дерутся из-за места – никто не хочет сидеть в середине салона. Для Кики и Оуэна малейшее взаимодействие превращается в борьбу и соревнование. Красный жар досады ползет у меня вверх по шее и охватывает холодные щеки. Мой раздраженный внутренний голос срыгается на крик.

– Господи Иисусе, ну просто сядь уже в машину. Давай быстрее, на улице жуть как холодно!

– И зачем мы вообще поехали в Корею зимой, в такой ду-бак?

И тут Стив – наш буфер, наша палочка-выручалочка, отважный укротитель буйных детей – произносит глубоким басом:

– Оуэн, Кики, вы будете сидеть в середине по очереди!

Впервые в жизни мы оказываемся в роли ВИПов. Поскольку мы собираемся сделать крупное пожертвование в пользу старшей школы Конджу – это альма матер моих отца и бабушки, – нам предоставляют билеты на скоростной поезд, да еще в первый класс. Я никогда даже вообразить не могла, что мы вдруг станем какими-то там меценатами.

В Соединенных Штатах мы относились к иммигрантам среднего класса, без всякой наследственной финансовой базы. Мой отец Ынсоль, специалист по статистике, обеспечивал семье стабильное существование в небогатом пригороде Хьюстона, но не более того. Всё папино «состояние» заклю-

чалось в накоплениях на пенсионном счету – отец исправно пополнял его каждый месяц, пока работал в Школе здравоохранения, даже если ради этого приходилось урезать расходы на другие семейные нужды. И еще он ежемесячно отправлял деньги моей бабушке в Корею. Моей артистичной, художественно одаренной матери он выдавал еженедельную сумму на бакалейные товары и разные другие потребности. Мама и сама подрабатывала – шила соседским девочкам платья на выпускной, а богатым леди из Ривер-Оукс, с которыми познакомилась в церкви, шелковые блузки. Всё, что требовалось семье, она покупала на распродажах или в комиссионке в центре города.

Мой папа накопил так много и инвестировал так мудро, что под конец жизни они с мамой смогли поселиться в «Мирабелле». Это высотное здание в Портленде, квартиры в котором специально предназначены для пожилых; в нем создана лучшая в городе система помощи людям с возрастными ментальными проблемами. Родители умерли раньше, чем ожидалось, один за другим, с промежутком в год.

* * *

На протяжении всего моего детства отец говаривал, что он просто деревенский паренек родом из Конджу – бывшей столицы царства Пэкче. И он даже мечтать не мог, что после после окончания Корейской войны его примут в Сеуль-

ский национальный университет. Когда это произошло, он сам удивился больше всех. К тому же папа говорил, что студентом он был средненьким. Еще одну важную вещь я поняла, лишь когда стала взрослой: хотя его семья, как и мамина, происходила от дворян-землевладельцев (янбан), ей не удалось увеличить свое состояние ни в колониальную эпоху, ни после войны.

Во время моей первой поездки в Корею в 1976 году (мне тогда было десять лет) мамины родственники, которых мы навещали, принимали нас в сеульских особняках или в стильных квартирах, расположенных в высотных зданиях. А вот с папиной стороны все как жили в деревне, так там и остались. Один из отцовских кузенов работал таксистом. Его брат жил в доме без водопровода и канализации. Тем не менее родственники отца владели землей на холмах между Конджу и Тэджоном. Им также принадлежали участки земли с захоронениями предков и целая гора, состоящая из гранита. В ней были высечены могилы моих бабушки и прадедушки.

В 1995 году тело моего деда извлекли из могилы на склоне горы и перезахоронили на Национальном кладбище недалеко от Тэджона. Там он оказался рядом с многочисленными южнокорейскими патриотами, генералами, президентами, политиками, которых становилось всё больше. И это событие полностью изменило ход жизни моего отца и моей семьи.

Когда в 2015 году родители переехали в «Мирабеллу», я настояла на том, чтобы папа продал землю в Корее, которая до сих пор была записана на его имя. В патриархальном понимании он являлся главой семьи – старшим сыном старшего сына, человеком, который несет ответственность за всё и перед всеми.

«Пап, я не хочу, чтобы после твоей смерти мне пришлось разбираться с этой землей в Корее».

Отец обнаружил, что один его родственник обманом вписал свое имя в документ, устанавливающий собственность на землю. То же самое ранее сделал и другой родственник, принадлежавший еще к предыдущему поколению. Папа ведь жил за океаном, и хитрецы надеялись, что он ничего не заметит. Но в 2010 году отец подал против обманщика иск по поводу незаконного владения и выиграл его. За долю выручки он попросил некоего третьего родственника, более заслуживающего доверия, помочь в продаже гранитной горы девелоперу. Свою часть денег, полученных от этой сделки, отец хотел пожертвовать старшей школе Конджу – основать там стипендию имени моего дедушки, увековечив память об акции протеста, которую мой дед устроил против директора-японца в 1927 году, когда там учился. За эту акцию дедушку и выгнали из школы до ее окончания.

В поезде дети сразу захватывают места возле окон, по разные стороны от прохода. Я сажусь рядом с Кики, а Стивен – рядом с Оуэном. Пружинистое сиденье, складная подставка для ног, глянцевый журнал о путешествиях, вложенный в кармашек на спинке переднего кресла, – обстановка комфортная, даже роскошная. Как только пейзаж за окном меняется и вместо ультраплотной городской застройки появляются жилые многоэтажки, расставленные как костяшки домино, жена моего брата предлагает сводить детей в вагон-ресторан за вкусняшками. А я закрываю глаза и сосредотачиваюсь на дыхании – так рекомендовал психотерапевт, объясняя, как справиться с чувством горя.

Вдохни, выдохни. Сохраняй спокойствие. Не злись на детей. Помни, зачем ты здесь.

Мы никогда не думали, что папа уйдет первым. Из них двоих деменция началась у мамы, именно по ней было видно, что она угасает. Конечно, у папы имелись недуги, типичные для восьмидесятилетнего старика, – болезнь Меньера⁴, высокое давление, расстройства равновесия. Но в целом он был здоров и физически активен. В «Мирабелле» он ходил

⁴ Заболевание внутреннего уха, для которого характерны приступы головокружения и прогрессирующая глухота.

на физкультуру, вступил в «Клуб иностранных дел», вел занятия по оригами и сложил тысячу бумажных журавликов для учреждения по уходу за лицами с нарушением памяти, куда положили маму.

Он очень не любил ходить к врачам, но, обнаружив у себя кровь в стуле, немедленно отправился на прием. Когда мама вернулась домой, ему пришлось взять заботы о ней на себя. «Кто знает, может, она поправится и снова станет собой», – сказал он мне, хотя знал, что деменция – это дегенеративное заболевание и назад оно не отыграется. Он мечтал увидеть, как Оуэн, его старший внук, окончит школу. У него было столько причин, чтобы жить...

Рак желудка, как объяснил папа, часто встречается в США у людей азиатского происхождения. А в Южной Корее он стоит на первом месте среди всех видов рака. Виной всему пищевой рацион и бактерия *H. pylori*, с которой отец, видимо, контактировал в детстве, еще до войны. Он перенес химиотерапию, сохранив все волосы на голове. Но лучевая терапия его подкосила. Страшные боли в желудке, потеря аппетита, бессонные ночи, неконтролируемое мочеиспускание. Чтобы отцу было легче заснуть, Эд покупал ему жвачку с каннабидиолом. Когда я однажды пришла навестить папу, он при мне упал прямо на прикроватный столик. После моего ухода он упал снова, пытаясь встать с кресла в гостиной. Падения случались и дальше – иногда он нам рассказывал о них, иногда нет.

Во время его последнего визита в отделение неотложной помощи у него обнаружили сильные ушибы головы. Вот здесь, здесь и здесь. Молодой интерн показал нам на снимке КТ на темные пятна внутри мозга. Ткани мозга наползли на борозду, разделяющую их на две равные половинки.

Падение, положившее конец всем прочим падениям, случилось весной. Отец словно выжидал, когда Эд с семьей уедет на каникулы. Когда я примчалась в Учебную больницу университета здоровья штата Орегон, катя за собой огромную сумку на колесиках, папа еще мог говорить. Я прошла мимо комнаты с мягкими стенами, внутри которой истошно вопила какая-то женщина. Больные мужчины в инвалидных колясках кучковались в холле, словно автомобили на парковке. Папина палата находилась в конце коридора.

– Мар-га-рет, – произнес он, – сними с меня эту штуку.

И он вцепился рукой в ортопедическую подушку-бублик, надетую у него на шею, и принялся ее сдвигать.

– Пап, – сказала я, снова застегивая липучку на подушке, – я ведь тоже упрямая, вся в тебя. Так что ты лучше брось это делать.

Он кинул на меня гневный взгляд, и на лице его читалось: «Да как ты смеешь!» А потом снова сдернул подушку. Я водворила ее на место, глядя ему прямо в глаза без своей обычной улыбки. В конце концов он устал, стал задремывать, и я снова отвезла его в палату. Я даже не подозревала, что это был последний настоящий эмоциональный контакт

между нами.

С этого дня он навсегда перестал быть собой.

Папина сиделка сказала мне, что не стоит слушать докторов, которые рекомендуют операцию на мозге: «Хирурги всегда предлагают операцию, потому что оперировать – это их работа». Решать предстояло не врачам, а родственникам. Мой больной раком отец – перенесет он в свои восемьдесят четыре года операцию с трепанацией черепа и последующую долгую реабилитацию, когда ему, по всей вероятности, придется заново учиться ходить и говорить? Если мы считаем, что нет, то следовать рекомендации хирурга не стоит. Я посоветовалась с Эдом и папиным врачом-гериатром.

Личность моего отца, то, кем он являлся и кем себя ощущал, – всё это было неразрывно связано с его интеллектом. Жизнь без мышления папа не считал бы жизнью. Он бы предпочел умереть. С этим мы все согласились.

Апрель 2018 года, последние дни его жизни. Мы приняли решение перевезти его обратно в «Мирабеллу», чтобы он провел их рядом с мамой. Она уже утратила способность говорить, но по-прежнему могла слушать и держала папу за руку, когда он, подключенный к аппарату ИВЛ, сделал свой последний вздох.

Стоит ли говорить, что папа, умирая, не занимался семейными земельными владениями. Поскольку я была доверенным лицом своей матери и душеприказчицей обоих ро-

дителей, эта задача перешла ко мне.

* * *

И вот мы едем в Конджу. Дети возвращаются из буфета. У них в руках банки с сидром фирмы Chisung и коробки с крекерами в виде грибочков. У малышни каникулы – а это значит, что можно объедаться сладким! Оуэн быстро уничтожает свою добычу и мгновенно засыпает. Кики отгрызает с каждого грибочка шоколадную шляпку, а ножки оставляет на потом.

Спустя сорок минут мы подъезжаем к огромному, пустынному зданию станции. Оно расположено за городской чертой Конджу, неподалеку от родовых земель нашей семьи. Никто, кроме нас, из поезда здесь не выходит. Станцию построили по случаю Кубка мира 2002 года, но, вопреки ожиданиям южнокорейского правительства, это не стало толчком к развитию региона. Экономика края до сих пор не оправилась от рецессии 2008-го.

На станции нас встречают два учителя английского языка из местной старшей школы – господин Ким и господин Пак. Мы снова разделяемся и рассаживаемся в два автомобиля – каждая семья в свою машину. Я «надеваю» любезное выражение лица, подобающее истинной леди, и начинаю светскую беседу с господином Кимом.

К решению пожертвовать гранитную гору старшей школе города Конджу я пришла после того, как пять месяцев продиралась через хитросплетения южнокорейского наследственного права в той его части, что касается родовых земельных владений. Я сформировала команду под кодовым названием «Фамильная земля». В нее входили Эд, моя кузина Джулия (она заполняла бумаги от лица моего дяди), Сонму, жена моего дяди по матери (она немного интересовалась недвижимостью), и господин Ли, сеульский юрист по недвижимости – выйти на него помог отец одного из друзей Оуэна по детскому саду. В сентябре 2018 года я съездила в Корею, чтобы встретиться с юристом и поторговаться с родственниками папы (теми, которые предположительно были достойны доверия, но быстро продемонстрировали, что недостойны его).

Мы с Эдом хотели исполнить последнее желание моего отца: сделать благотворительный вклад в пользу старшей школы Конджу в честь нашего деда. А заодно избежать хлопот, связанных с продажей огромного куска земли, расположенного за океаном, да еще в условиях волатильного рынка недвижимости. Проект «Фамильная земля» стал для меня по факту полноценной работой и помог справиться с горем утраты. Разнообразие задач, кипы бумаг – всё это смягчило боль от свежей раны, вызванной внезапной кончиной отца. Я с головой ушла в административные обязанности, я находила утешение в сознании, что цементирую папино на-

следие, выполняя его последнее желание. Благодаря этому дару ученики школы смогут получать образование в течение жизни многих поколений.

Понадобились одобренные юристом документы, состоящие из сотен страниц, многократные поездки в Сакраменто и Салем за апостилями, отправка документов в Корею мистеру Ли на утверждение в органах власти – и вот наконец в январе 2019 года гранитная гора передается в дар старшей школе Конджу.

* * *

С тех пор прошел почти год. И вот нас ведут в кабинет директора. Там стоят семь мягких кресел, перед каждым – табличка с именем, сделанная из толстой бумаги. Дети в восторге: их считают такими важными особами, что каждому выделили его собственное, личное место! Как сейчас модно у тринадцатилетних подростков, Оуэн надвигает на лицо капюшон своей красной парки и так туго затягивает на нем шнурок-кулиску, что остаются видны только губы и нос. Стив похлопывает сына по плечу. Этим он ненавязчиво намекает, что тот должен обнажить свою внушительную «тыкву» и вести себя с надлежащим уважением. Я бросаю взгляд на Кики, она кивает мне в ответ. Девочка отлично держится в присутствии директора – человека с добрыми глазами, которого мы видим впервые в жизни.

Директор велеречиво благодарит нас за щедрый дар, сделанный школе. Мистер Ким переводит его речь. Секретарь подает чай. Директор ведет нас в импровизированный зал, посвященный истории школы. Вдоль стен там стоят застекленные витрины, где выставлены сотни разных призов, мемориальных табличек, фотографий в рамках. Целый раздел посвящен самому знаменитому выпускнику школы – Паку Чанхо. Это первый уроженец Южной Кореи, который стал игроком Главной лиги бейсбола.

Я выхватываю взглядом цветную фотографию, на которой запечатлен надгробный камень моего деда, который стоит на Национальном кладбище. Это фото привез в школу мой отец, когда побывал здесь в последний раз. Я объясняю мистеру Киму, что мы планируем развеять сегодня прах папы у подножия надгробия.

Стив фотографирует список школьных директоров (в нем есть и имя японца, который выгнал моего деда из школы), а также памятную табличку в честь дедушки как патриота Южной Кореи. Кики носится вокруг, потрясенная исполинскими размерами кубков, которые стоят в витринах. Лего-рукий питчер Оуэн так и прилип к витрине с личными вещами Пака Чанхо. Директор сообщает, что к церемонии по случаю сотой годовщины основания школы, которая грядет в 2022 году, планируется перенести все экспонаты в более основательное пристанище.

Мои родители пожелали, чтобы их кремировали, а не похоронили в земле. Смерть папы в апреле 2018 года случилась настолько внезапно, что мы даже не успели спросить у него, в каком месте развеять его прах. А мама уже при жизни была слишком далеко, чтобы высказать какое-то мнение на сей счет. Так всё-таки где? Может быть, в Орегоне, где они поселились после выхода на пенсию? В Техасе, где они прожили дольше всего? В Корее, где они родились? Где они хотели бы остаться навеки после смерти? Какое место являлось для них домом?

Эд предложил побережье Орегона. Папа поговаривал, что хотел бы собрать там всю семью после того, как закончит лучевую терапию. Мы даже забрали маму на выходные из ее учреждения. Папа любил Орегон. В «Мирабелле» он стал душой компании. Шутил с персоналом регистратуры, здоровался по имени с каждым проживающим и сотрудником. Он был общительным, говорливым, и, хотя при разговоре он по-прежнему впадал в профессорский тон, его окружали люди, способные оценить огромные сокровища знаний, которые вмещала его крупная, мозговитая корейская голова. Ему там было настолько спокойно и безопасно, что он даже позволял себе роскошь слушать других и сопереживать им.

Вот и получилось, что мы действительно собрались всей

семьей на побережье Орегона – но только без папы. Для мамы путешествие в городок Кэннон-Бич стало последней поездкой в жизни. Отделение, где она лежала, дало нам в аренду инвалидное кресло. Самой трудной задачей оказалось загрузить маму в автомобиль, а после выгрузить из него – а ведь когда-то она была такой худенькой! Да, в больничном заточении ее основательно разнесло. Каждый день ее главным удовольствием была вазочка шоколадного мороженого после обеда.

Говорить она не могла и только утвердительно или отрицательно кивала, когда я задавала ей вопросы.

– Хочешь водички?

– Тебе удобно?

– Тебе нужно в туалет?

Во время поездки мы с Эдом по очереди рассказывали маме обо всем, что происходит вокруг.

– Мы сейчас едем на побережье, туда час пути.

– Мы собираемся развеять половину папиного праха на холме над Кэннон-Бич.

– Помнишь, как ты бывала здесь с папой, когда вы жили в Тигарде?

Мама выглядела смущенной. Грустной. Она улыбалась, лишь когда встречалась глазами с кем-то из своих внуков. В них она видела будущее.

Во время нашей поездки в Корею прах родителей носит при себе Эд. Папа закупорен в экологичную картонную трубку, которую украшает репродукция ваноговских «Ирисов». Мама едет в таком же контейнере, только его покрытие имитирует узор древесины. Ее вместилище выглядит более абстрактно, оно теснее связано с природой, хотя сама она страдала аллергией на деревья, цветы, траву – практически на всё, что растет на улице. У Эда плечи широкие, они могут вынести этот груз. Мои – не могут.

Когда папа умер, распорядитель похорон предложил, чтобы дети написали письма, которые потом сожгут вместе с телом. Кики построила из конструктора «Лего» погребальный костер, а Стив его сфотографировал и распечатал снимок. Оуэн характерным почерком пятиклассника накорябал короткую записку. Он глубже всех ощутил смерть моего отца – у него была особая связь с «дедой». Связь, которую укрепляли проблемы с математикой и вкусные блинчики.

Папина смерть стала для нас шоком. Я больше не смогу через день звонить отцу по телефону. Он больше не сможет спросить, как прошел у Оуэна матч по американскому футболу, какую остроумную шутку отпустила Кики и как у нее прошел пеший поход. Никогда не увидит Брауни – нашу собаку, которую мы спасли в Корее с мясной фермы. И никогда

не осуществит свое самое главное желание: присутствовать на выпускном вечере Оуэна в 2024-м. В том самом году, когда папе должно было исполниться девяносто лет.

А что же мама? Когда я наблюдала ее угасание, растянувшееся на десять лет, мне становилось тошно, как от морской болезни. Она качалась туда-сюда между ясным сознанием и сумеречной помраченностью, пока наконец тьма не взяла над ней верх. К моменту, когда она покинула наш мир, от нее оставались только тело и животный инстинкт выживания. Может быть, для художника это как раз идеальный способ уйти. И хотя взять в руки кисть мама уже не могла, возможно, она мысленно витала внутри абстрактных акварельных пейзажей, которые рисовала на протяжении всей своей жизни.

Когда я училась в старших классах, папа сказал мне, что они с мамой планируют пожертвовать свои тела науке, чтобы от их трупов была какая-то польза.

Я сморщила нос от отвращения. Стала просить: «Пожалуйста, не надо! Я не хочу, чтобы какой-то чужой человек кромсал ваши тела в анатомическом театре. Это гадко, мерзко!»

Я потом так и не поняла, прислушался ли он ко мне — слишком уж много времени у него уходило на то, чтобы что-то решать. Он был безумно медлительным: взвешивал все плюсы и минусы, факты и цифры, отсеивал эмоции и пред-

рассудки – использовал собственную версию научного метода, прежде чем прийти к какому-либо выводу. Возможно, когда мой отец составлял завещание для себя и мамы, он принял в расчет и мою подростковую реакцию. В общем, оказалось, что их нужно кремировать. Вопрос о том, проводить ли прощальную службу в церкви, был оставлен на усмотрение живых.

Половина их праха будет развеяна в США. Другая половина – в Корее. Так решили мы с Эдом. Мама и сердцем, и умом была глубоко связана со своим детством, которое прошло в Сеуле. Это место находилось в самом средоточии ее существа; даже атрофия, поразившая мозг, не смогла вытравить его из маминой памяти. Правда, от Сеула, который она помнила, уже не осталось ничего, кроме парка Тхапголь и дворца Кёнбоккун⁵. Всё остальное погибло во время войны.

Папин же прах следовало развеять над могилами его родителей на Национальном кладбище.

* * *

30 декабря 2019 года, в день, когда Кики исполняется одиннадцать лет, мы собираемся в парке Тхапголь, в двух шагах от нашего отеля. Сто лет назад, когда Корея была японской колонией, именно в этом месте зародилось движе-

⁵ Кёнбоккун – бывший королевский дворец династии Чосон, одна из самых известных туристических достопримечательностей Южной Кореи.

ние за независимость. 1 марта 1919 года Чон Джэён зачитал здесь корейскую Декларацию независимости и призвал толпу к протесту против власти японских колонизаторов.

Я, Кики, Оуэн – мы трое кутаемся в теплые парки фирмы North Face, купленные в аутлете на Гилман-стрит в Беркли. Мы хорошо подготовились: удлиненное нижнее белье, теплые боты, шерстяные носки, шапки. Стив до нашей свадьбы ходил в горы, жил в кемпинге в Высоких Сьеррах, так что у него зимнее обмундирование уже было в наличии. Сегодня утром он вышел раньше нас и уехал вместе с нашими восьмидесятилетними родственниками – только эти старики способны так стойко переносить минусовую температуру. Они, знаете ли, войну пережили, холод для них ерунда.

Четыре года назад, когда мы в последний раз съездили в Корею всей семьей, мы побывали в парке Тхапголь вместе с моими родителями. Мама сказала, что это ее любимое место в Сеуле. После уроков она играла здесь до темноты со своей лучшей подругой Чонхва. Тогда мама еще говорила по-английски, но пользовалась этим языком, только чтобы поделиться каким-то воспоминанием из прошлого, из своей жизни до 1962 года, когда она уехала из Кореи в Соединенные Штаты. Мы попытались отыскать место, где стоял дом ее детства, – где-то за отелем, в котором мы остановились. Мы брели мимо магазинов металлической посуды, ресторанов, где подают блюда из свиной пашины, мимо лавок, торгующих бумагой из шелковичной коры, мимо длинного ря-

да витрин, заполненных кистями для суми-ё, сделанными из конского волоса. Некоторые из этих «кисточек» были ростом с Кики. Но мама сказала: нет, она ничего здесь не узнает.

Прах моей матери мы решили развеять за лесополосой, вдали от главной аллеи парка. Я заранее проконсультировалась с маминым братом – Осамчхуном, как называют по-корейски дядю по материнской линии. Он сказал, что, строго говоря, развеивать кремационный пепел в публичных местах в Южной Корее запрещено законом, но люди всё равно это делают сплошь и рядом.

Выбрав одну особенно красивую сосну, мы становимся возле нее в кружок. Стив следит за тем, что делается вокруг. Эд звучным баритоном начинает речь – и я невольно вспоминаю, как он пел в душе песни группы Red Hot Chili Peppers, когда был старшеклассником. Да, у моего братишки действительно абсолютный слух.

Оуэн вертится. Он бы предпочел сейчас попинать мячик. Кики смотрит на всё широко распахнутыми глазами. Она унаследовала от бабушки не только азиатскую грушевидную форму лица, но и ее эмпатию – нунчи⁶: девочка сейчас ощущает волны горя, которые испускают тела взрослых. Ей не удалось достаточно близко узнать бабушку, на которую она так похожа. Кики видела мою маму только в дни угасания –

⁶ Нунчи – корейская концепция эмоционального интеллекта: умение считывать настроение собеседника и невербальные сигналы.

она осталась для нее силуэтом с нечеткими очертаниями, полустершимися, как борозды на поверхности мозга, который слишком скудно снабжается кровью.

Мы все произносим по несколько слов. Их мгновенно уносит ветер. Я концентрируюсь на своих родных, которые стоят кружком передо мной, на сосне, на широко распахнутых глазах дочери, на красной парке Оуэна, на холодном ветру, от которого у меня леденеют губы. На эхе, которое раздается, когда комок пепла со стуком ударяется о замерзшую землю. Вот всё и закончилось...

Затем мы пьем чай с десертом в кафе, которое стоит в начале улицы Инсадон, прямо напротив входа в парк. Я там бывала десятки раз, и в каждый мой очередной приход оказывалось, что заведение успело сменить название на новое. Моя мать всегда водила меня туда, потому что любила сладости. Сладкие красные бобы поверх десерта «бритый лед», печенье якква с медовой начинкой, рулет со взбитыми сливками внутри, хрустящие шоколадные круассаны...

И вот сейчас, поминая маму, мы лакомимся десертами и рассказываем байку о том, как Чон однажды в одиночку съела на Рождество целую коробку конфет от See's Candies – ее самых любимых.

Господин Ким и господин Пак везут нас на Национальное кладбище, расположенное на окраине Тэдждона. Дорога занимает около двадцати минут. На месте нас встречают двоюродный брат моего папы (я его зову Аджосси⁷), его жена и их сын Инкюн. Аджосси – сын папиной тети, единственной сестры моего дедушки. Я жила с ним и его женой, когда приезжала в Корею в 2000 году. А Инкюн в это же время гостил у моих родителей в Хьюстоне – там он ходил на курсы английского при университете Райса. Такая вот вышла программа обмена в рамках одной семьи.

⁷ Уважительное обращение к мужчине старшего возраста.

Гроб моего деда Ли Чхольха. Церемония перезахоронения.

12 октября 1995 года, Национальное кладбище, Тэджон

Все корейцы всхлипывают, когда Эд развеивает прах моего отца у подножия гранитного надгробия. На нем высечены два имени. Первое – «патриот Ли Чхольха». Рядом, более мелкими буквами, написано: «Мин Гымсун». Это его жена, наша Хальмони. Корейской родне тоже нужно время и место, чтобы оплакать смерть моего отца. Я благодарна тем папиным родственникам, которые смогли присутствовать на

церемонии, – среди всей его родни только им было не все равно. У папы не будет никакого ритуала, никаких поминок, никакого иного памятника – только люди, которые хранят его в своих сердцах.

Стоя перед надгробием, мы делаем десятки снимков. Холодное январское солнце светит нам в глаза. Кики бежит наперегонки с Оуэном по главной лестнице, которая ведет на верхний уровень захоронений, где лежат южнокорейские патриоты. Ей почти удастся поймать брата. Дети так долго стояли без движения – пусть побегают.

Пока развеивали прах моих родителей, я не обронила ни слезинки. Я иссохла, как пустыня. Но вернувшись домой, я выплакала свою долю слез. Это случилось в минуты, когда я оставалась наедине с собой – вела машину, гуляла с собакой, просовывала карту в щель терминала в сетевом магазине Trader Joe's. И в конце концов чаша моя опустела.

Перезахоронение

Сегодня моего деда, Ли Чхольха, похоронят во второй раз. 12 октября 1995 года. Национальное кладбище в Тэджоне, в Южной Корее. Минуло почти 60 лет с того дня, как дедушка был похоронен в первый раз. Тогда, в 1937 году, мой прапрадед смотрел, как останки его двадцатисемилетнего сына опускают в могилу на склоне горы – в ту могилу, которую пожилой глава семьи предназначал для себя самого.

В этот раз гроб окружают офицеры в парадной форме. Они салютуют, воздавая честь покойному.

Сейчас Корея уже является независимым государством. И пусть даже страна рассечена надвое, зато она больше не колония Японии.

На новых похоронах присутствуют старший сын умершего, его невестка, внучка и внук – все они только что совершили трансатлантический перелет из Соединенных Штатов.

И в этот раз моего деда сопровождают в могилу почести, а не позор.

На похоронной фотографии – это единственное фото, которое осталось от покойного, – запечатлен мой девятнадцатилетний дедушка, которого я никогда не знала. Видно, что он опустошен и потрясен – потрясен своим арестом. Веки у него отяжелели от усталости, волосы коротко острижены

(не знаю, сам он сам сделал такую стрижку или его остригли тюремщики). Отсутствие волос подчеркивает, какой у него большой квадратный лоб. Это семейная черта, которая перешла по роду к моему брату Эду – он только что выпустился из университета и сейчас как раз в том же возрасте, что и юный дедушка на фотографии. Именно Эду сегодня выпала честь нести вставленное в рамку фото нашего деда под палящими лучами раннего осеннего солнца.

Эту фотографию мой отец отыскал в 1992 году с помощью одного своего однокурсника, вернее с помощью аспиранта, который учился у его однокурсника по Сеульскому национальному университету.

Отчаявшийся. Опустошенный. Широкие плечи дедушки выдвинуты вперед, из-за этого мешковатая роба с зазором отходит от шеи. Щеки еще сохраняют небольшую детскую пухлость. Углы сомкнутого рта опущены. А вот надпись на ленте, которая повязана через плечо, исчезла. Это мой отец замазал ее корректирующей жидкостью.

Пока мы с папой шагаем вслед за Эдом по большой лестнице, которая ведет на верхний уровень кладбища, я спрашиваю у отца, почему он отредактировал фотографию. «Это было неприлично», – шепчет он в ответ. Я начинаю спорить. Может, он пытался таким образом сохранить лицо перед родней, скрыть тот факт, что для погребального портрета пришлось взять фото из полиции? Неужели папа до сих пор стыдится того, что его отец сидел в тюрьме и был ком-

мунистом? Тут мама хватается меня за руку и делает страшные глаза – это сигнал, чтобы я закрыла рот. Никаких споров в присутствии родственников! Пока мы ехали в машине, мама и так отругала меня за то, что на мне не юбка, а штаны от пурпурного шелкового костюма – от юбки я отказалась, потому что не хотела в жару надевать колготки.

Во главе процессии шагают солдаты. Они останавливаются перед рядом разверстых могил и синхронно вращают винтовками. Потом военные маршируют прочь, предоставляя родственникам возможность собраться перед могилами предков. Отрывистые выкрики военных команд разносятся уже вниз, в долине. Я пытаюсь перехватить взгляд Эда, чтобы безмолвно подбодрить его, но он всё время упорно смотрит вниз. Я вижу, что он нервничает, беспокоится, робеет. Боится, что может сделать что-то неправильно, поставить всю семью в неловкое положение.

氏名

(44200)
李 哲復

異名

番
號
紋

No.

31833

2290

西太の刑務所

昭和5年4月26日

ニ於テ撮影

保存版

(1/1)

第12929

手口原既番		検査官署	刑務所	年月日	入所	官職	刑罰	罪名	身長	職業	年齢	住所	生地	本籍
口	手			昭和	昭和	京	懲役	懲役						
				昭和 1915年 5月 10日	昭和 1915年 12月 22日	京城地方法院	懲役 12年、月、日	懲役 12年、月、日	172 cm	学生 分府 常民	昭和 1912年 2月 2日生	京 都府 京都市 西町	京 都府 京都市 西町	京 都府 京都市 西町
				昭和 1915年 5月 10日	昭和 1915年 12月 22日	京城地方法院	懲役 12年、月、日	懲役 12年、月、日	172 cm	学生 分府 常民	昭和 1912年 2月 2日生	京 都府 京都市 西町	京 都府 京都市 西町	京 都府 京都市 西町

Карточка из тюремного досье моего деда. Лицевая и оборотная стороны. 1930. Фотография любезно предоставлена Национальным институтом истории Кореи

Отец что-то шепчет Эду на ухо. Брат, который обливается потом в своем черном шерстяном костюме, ставит фотографию дедушки на низкий столик, застеленный белой тканью. Потом поворачивается и вопросительно смотрит на отца, ожидая дальнейших указаний. Папа поднимает вверх два пальца. Почти двухметровый Эд покорно опускается на колени и склоняет голову перед портретом. Потом встает и еще

раз повторяет поклон. Мой отец и все родственники-мужчины, которые присутствуют на церемонии, следуют его примеру. Мама и все остальные женщины, в том числе и я, стоят позади мужчин, как того требует обычай.

Два дня назад кости моего деда вынули из могилы, находящейся на семейном кладбище. Оно расположено высоко в горах, окружающих город Конджу. Дед, которого я не знала, существует здесь и сейчас в виде скелета, археологического артефакта – его извлекли из деревянного гроба, который уже и сам начал рассыпаться. Это своего рода восстание из мертвых – ради того, чтобы получить второй шанс на увековечение памяти. Кости молодого мужчины превратились в реликвию эпохи, о которой до сего дня никто не хотел вспоминать. Дедушкин скелет, испещренный крапинками и царапинами, теперь покоится в сверкающем серебристом гробу, накрытом южнокорейским флагом. Гроб стоит рядом с низким столиком, на который поставили фотографию.

Хотя надпись на ленте, которую закрасил мой папа, гласила, что дедушка – политзаключенный, отныне он больше не считается государственным преступником. Он уже не наивный паренек из сельской глуши, которого выгнали из школы за то, что он надел традиционный корейский костюм на церемонию по случаю дня рождения японского императора. Не юноша, перебравшийся в Сеул, чтобы влиться в студенческое движение, цели которого он вряд ли полностью понимал. Не преступник, которого схватили, когда он раскле-

ивал подстрекательские листовки, и четыре года держали в тюрьме (мой отец вырос, веря именно в эту версию).

В этот теплый октябрьский день выясняется, что дедушка, которого я никогда не знала, – патриот, националист, борец за свободу, который выступал против власти японцев в те времена, когда Корея являлась колонией империи. Для своей консервативной дворянской семьи он отныне герой и мученик, а вовсе не паршивая овца.

Хотя я старше Эда на шесть лет, произнести речь на церемонии попросили не меня, а моего брата. Он читает по-английски Псалом 23 – тот фрагмент, который больше всего любила моя бабушка. Корейский язык Эд никогда не учил.

«Господь – пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться».

Эд – наследник и помазанник; первый сын первого сына и так далее, на протяжении пятнадцати поколений. На данный момент я решаю не бунтовать против корейского патриархата. В конце концов, мы же в древней стране. Да и вообще, я просто счастлива, что мне не придется скандировать пассажи из Библии – книги, которую я давно отвергла, – перед сборищем родственников, с которыми я едва знакома.

Потом мой отец читает стихотворение, которое начертано на надгробном камне деда. В нем увековечена память о Ли Чхольха, он же Сунъя, что означает «поле звезд» (это подпольная кличка, которую дали ему товарищи):

Его воля откликается эхом в наших сердцах.
Ее звенящие всплески разносятся над горами
И перелетают океаны.

Остальные родственники смотрят на церемонию, стоя за белой лентой. То же самое делают больше десятка других семей, которые стоят перед могилами своих собственных почитаемых предков.

Каждый член семьи, у которого хватило на это здоровья, сейчас присутствует здесь, на Национальном кладбище в сердце Южной Кореи. Дедушкины кузены из Конджу, его городские племянники и племянницы из Сеула, его сыновья, эмигрировавшие в США, дети его старшего сына, в том числе Эд – наследник по мужской линии. Но интерес к прошлому испытываю именно я – американская внучка, женщина двадцати девяти лет от роду.

Именно я ощущаю потребность понять, кем был мой дед.

Да, здесь собрались все – не считая моей бабушки, Хальмони. Она решила остаться у себя в двухкомнатной квартире, которая расположена в Сеуле, в районе Чамсиль.

С моим дедушкой она не хочет иметь ничего общего. Она всю жизнь пыталась забыть красивого мужчину с фотографии, который оставил ее с двумя маленькими сыновьями – их ей пришлось растить в одиночку. В 1936-м, в год смерти мужа, она пережила оккупацию, затем, после поражения

японцев во Второй мировой, распад страны на две части, а потом и разрушение Сеула во время Корейской войны.

Хальмони заново выстроила жизнь своей семьи благодаря тяжелому труду и глубоко въевшихся в нее навыков выживания – до этого она и сама не подозревала, что они у нее есть. После смерти мужа она работала портнихой. В 1950-е годы помогала вести дела в сиротском приюте под названием «Небесный сад» – он находился в окрестностях Тэджона, в двух милях от Национального кладбища. И всё это время жизнь бабушки омрачала запятнанная репутация покойного мужа – предателя, коммуниста, преступника.

Нет, сейчас, когда прошло столько лет, она не готова всё это вспоминать. Даже несмотря на то, что честное имя ее супруга уже восстановлено.

Мой брат Эд на церемонии перезахоронения останков души

Групповое фото нашей семьи: я, мои родители, Эдвард, мой дядя Ынсук и другие родственники моего отца на церемонии перезахоронения

Наследие

Во время моего первого в жизни перелета в Корею – это было в 1976 году – стюардесса заперла меня в туалете. Замок защелкнулся в момент, когда я села пописать. Я, как хорошая девочка, помыла руки и постучала в дверь. И всё ждала, ждала, пока очки в тонкой металлической оправе не начали сползать у меня с носа. Потом самолет попал в зону турбулентности, и меня шмякнуло об стену. Тут я уже принялась колотить в дверь кулаком, сдерживая желание заорать во всё горло.

К счастью, приятный мужчина-кореец – у него было кресло в ряду возле туалета – услышал мой стук и выпустил меня. Я поклонилась ему, сказала «спасибо». Он уселся обратно, стараясь не встречаться со мной взглядом. А я водворила очки обратно на нос.

Ковыляющим шагом пробиралась я на свое место в хвосте самолета, стараясь ни на кого не свалиться. Оказалось, что мама всё это время была занята маленьким братиком, а папа спал. И поскольку моего отсутствия никто и не заметил, я никому не стала рассказывать о том суровом испытании, которое только что выпало на мою долю.

Мне было десять лет.

Сейчас сентябрь 2000-го, и я сижу в самолете, который летит в Корею. На сей раз я уже взрослая, мне тридцать четыре года, и лечу я одна. И хотя я давным-давно сменила очки на контактные линзы, во мне до сих пор живы воспоминания о том, что я чувствовала в десять лет, во время первой поездки на родину своих родителей. Тогда отмечали двухсотлетие Соединенных Штатов, а у меня были летние каникулы перед переходом в пятый класс. За два года до этого мы переехали в двухэтажный дом – воплощенную мечту иммигранта. Он стоял у городской черты, на северо-западной окраине Хьюстона. Четвертый класс для меня закончился на высокой ноте. Единственная корейка в хьюстонской Начальной школе Мацке – то есть я – промаршировала по главному проходу актового зала, неся в руках американский флаг, а мои одноклассники пели: «Ты – великое старое знамя, ты высоко летящий флаг». Пожалуй, это был момент наивысшего триумфа за всю мою жизнь.

Сейчас, вспоминая свою первую поездку в Корею, я понимаю, что инцидент с запертым туалетом стал своего рода вехой в моем развитии. Отныне я существовала независимо от родителей. У меня были собственные мысли, которыми я могла поделиться с ними, а могла и не поделиться. Я не обязана была им докладывать, что застряла в туалете, – и я

ничего об этом не сказала.

Точно так же я ничего не сказала им о многих других вещах. Например, о том, что, когда я в старших классах ходила домой к Донне, чтобы «заниматься физикой», мы на самом деле пили игристое вино Keller Geister и гонялись друг за другом на машинах в районе Чэмпions, где все улицы носят названия знаменитых полей для гольфа. И о том, что в двадцать пять лет, в Сан-Франциско, когда папа с мамой дали мне деньги на курсы писательского мастерства при университете Беркли, я их потратила на пару шикарных французских высоких сапожек – алого цвета, на каблук. И о том, что спустя два года у моего бойфренда случился нервный срыв, его положили в больницу, а я его там навещала, и наши свидания проходили за закрытыми дверями.

Обо всех этих вещах папе и маме не следовало ничего знать.

Четырнадцать часов в воздухе. Куча времени, которую надо как-то убить. В магазине Hudson News в аэропорту Логан я, как обычно, запасаясь глянцевыми журналами. Elle, ARTnews, толстенный сентябрьский Vogue (ну мне же нужно увидеть осеннюю коллекцию!). Плюс The New Yorker – святой грааль для всех журналистов толстых изданий, то есть именно таких людей, как я. А чуть раньше, перед тем как навеки покинуть свою съемную комнату, я сунула себе в рюкзак последний номер журнала Nation – когда я уезжала из

Нью-Йорка, мой бывший работодатель подарил мне бесплатную подписку.

Прощай, Бостон! Обещаю по тебе не скучать, потому что ты мне нравишься меньше всех городов, где мне доводилось жить, – а их было много. Нью-Йорк, Сан-Франциско, Миннеаполис и Сен-Пол, Остин и, наконец, Хьюстон – мой родной город. Бостон, ты сделал свое дело. Я провела здесь год на стажировке в колледже Рэдклифф, успела наработать базу для нынешней поездки в Корею. И я знаю, что больше сюда не вернусь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.